

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ
КАК ФАКТОР СОХРАННОСТИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2010–2012 ГОДОВ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ
АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ) ***

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на учете находится более 5 тыс. объектов культурного наследия, 95 % из которых составляют памятники археологии. Многие из них были выявлены в 70–90-е гг. XX в. В силу географических особенностей этой территории, большая часть археологического наследия находится в труднодоступных местах. Учитывая крупномасштабное нефтегазовое освоение и необходимость эффективной сохранности объектов культурного наследия, на территории округа проводятся работы по мониторингу и установлению границ памятников археологии. В 2010–2012 гг. авторы статьи участвовали в организации и проведении мониторинга в бассейне нижнего течения р. Иртыш. За три года было обследовано более 200 объектов. Сняты инструментальные топографические планы, установлены границы территории памятников с координированием на местности, проведена культурно-хронологическая атрибутика. Полученные результаты позволяют сегодня не только учесть ошибки и недочеты, извлечь положительный опыт, но, что самое главное, перевести памятники археологии на качественно новый уровень учета и охраны.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, объекты культурного наследия, памятники археологии, археологический мониторинг, достопримечательные места.

Мониторинг объектов культурного наследия является главнейшим фактором обеспечения их сохранности. Однако в Российской Федерации отсутствует нормативно-правовая и методическая база, определяющая порядок проведения мониторинга объектов культурного наследия. На федеральном уровне эта процедура продекларирована в п. 6 ст. 20 Федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) наро-

дов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. Из двух подзаконных актов, определявших основные требования к составу работ по мониторингу объектов культурного наследия, один утратил силу, второй – принят до вступления в силу закона № 73-ФЗ¹.

Попытки регулирования данного вида деятельности на региональном уровне, безусловно, имеют положительный результат. Однако памятники археологии, в соответствии с действующим законодательством, яв-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: соглашение № 14.В37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла».

¹ Приказ Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении порядка проведения общероссийского мониторинга состояния и использования памятников истории и культуры» от 28.05.2002; Положение об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда от 05.07.2001.

ляются памятниками федерального значения. Следовательно, порядок проведения данных мероприятий, требования к составу информации и документации, должны определяться на федеральном уровне.

Другая проблема связана с установлением границ памятников археологии. В соответствии со ст. 5 Федерального закона № 73-ФЗ и ст. 99 Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки в границах территорий объектов культурного наследия относятся к землям историко-культурного назначения. Земельные участки, занятые объектами археологического наследия, относятся к категории особо охраняемых земель, ограничиваются в обороте и в правах землепользования, не могут предоставляться в частную собственность и используются только с наложенными на них обременениями и ограничениями. Однако при этом следует понимать, что границы земельных участков, занятых объектами археологического наследия, должны быть установлены и закреплены в соответствии с государственными требованиями к землеустройству, межеванию и кадастровому учету. В противном случае правовой статус данной категории земельных участков и расположенных в их границах объектов археологии остается не определенным.

Особенности истории и культуры Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – Югры, формирование системы выявления и охраны объектов историко-культурного наследия, имеют существенные отличия от других регионов Западной Сибири и Европейской России. В частности, в округе не так много памятников архитектуры и монументального искусства коренных малочисленных народов (хантов, манси, ненцев). Археологические памятники составляют 95 % от общего количества поставленных на учет объектов. Вторую позицию занимают объекты, связанные с традиционной культурой коренных народов. Это, прежде всего, священные и памятные места, места захоронений, а также некоторые стойбища, представляющие собой историко-культурную ценность с точки зрения архитектурных особенностей жилищ и хозяйственных построек. Поэтому в ХМАО мы имеем дело не просто с отдельными памятниками, а с историко-культурной средой – совокупностью материального и духовного наследия прошлых исторических эпох, которая в той или

иной степени функционирует в жизни коренных этносов, динамично вплетаясь в ткань современной культуры. Исходя из этого, очень важным является сохранение территориальных объектов исторического наследия и земель историко-культурного назначения.

В полевых сезонах 2010–2012 гг. авторы настоящей статьи принимали участие в организации и проведении мониторинга и установления границ археологических памятников, расположенных в границах сельского поселения Согом, Ханты-Мансийского района ХМАО. В археологическом плане территория поселения изучена крайне неравномерно. Здесь выявлен крупный археологический микрорайон, включающий более 200 памятников археологии, расположенных по берегам обширной акватории оз. Домашний Сор. Такая высокая концентрация памятников на локальной территории объясняется разносторонним сочетанием природных компонентов, которые в сумме позволяли успешно функционировать присваивающему типу хозяйства на протяжении нескольких тысячелетий.

Кроме высокой концентрации памятников археологии бассейн р. Согом является местом проживания коренного населения – нижеиртышских хантов. В XVII в. коренные жители, населяющие бассейн этой реки, входили в состав Белогорской волости Березовского уезда, а в конце XVII в. волость перешла в состав Тобольского уезда [Долгих, 1960. С. 56]. В верховьях р. Согом на протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. располагались юрты Согомские (Дальнесогомские) [Кениг, 2011. С. 124]. Современное население дер. Согом сохранило некоторые традиционные навыки ведения хозяйства – «запорное» рыболовство и «слопцовый» промысел боровой дичи. Определенная преемственность наблюдается и в почитании «святых» мест. Одним из них является святилище «Старик», расположенное на территории археологического городища Стариков Мыс I на окраине дер. Согом.

В задачи мониторинга входило изучение литературных и архивных источников, материалов предыдущих экспедиций, а также комплексное исследование памятников, которое подразумевало: идентификацию на местности по имеющимся планам; визуальное обследование территории и определение

технического состояния; инструментальную топографическую съемку с использованием тахеометра; закладку стратиграфических разрезов и зачистку обнажений для определения границ памятников и их культурно-хронологической атрибуции; привязку характерных точек на местности при помощи систем глобального позиционирования, фотофиксацию.

Площадь, геоморфология, микрорельеф и сохранность обследованных памятников разнообразны. К примеру, некоторые селища представлены одиночными сооружениями (впадинами), в то время как другие поселения включают в себя несколько сооружений (впадин, валов, рвов, наземных площадок). К эпохе неолита были отнесены такие памятники, как местонахождение Чебачий Бор 7, поселения Согом 14, 17 и 43² [Собольникова, Кузина, 2010. С. 258; Зайцева, 2010. С. 254–255]. Слой эпохи неолита выделен В. М. Морозовым при раскопках городища Стариков Мыс I³. Вместе с фрагментами сосудов неолитического облика обнаружена керамика энеолита-бронзы, реже Средневековья. В пределах микрорайона найденные объекты концентрируются в устье р. Согом и на восточном берегу оз. Домашний Сор.

Коллекция неолитической керамики немногочисленна. Несмотря на общий неолитический колорит, посуда с разных поселений отличается друг от друга по своим декоративно-морфологическим и технологическим признакам. Согомская неолитическая керамика позволяет предположить, что в рамках данного микрорайона развивалось несколько орнаментальных традиций: отступающе-накольчатая (поселение Согом 17, ранние слои городища Стариков Мыс I), прочерченно-волнистая (поселение Согом 43) и гребенчатая (местонахождение Чебачий бор 7, городище Стариков Мыс I)⁴.

Согомская посуда находит аналогии в неолитических комплексах сопредельных районов, соотносимых исследователями с разными культурными образованиями. Наиболее близкие аналогии с керамикой поселения Согом 17 можно найти в материалах

кошкинского типа памятников бассейна р. Конда – Чертова Гора, Конда и Сумпанья III⁵ [Собольникова, 1998. С. 551–555; Ковалева, 2008. С. 123–125, 133]. Сосуд полувасильевидной формы с выступами-«ушками» по венчику, декорированный прочерченно-волнистыми узорами с поселения Согом 43, имеет значительное сходство с керамикой быстринской культуры Сургутского Приобья (поселения Быстрый Кульган 66 и Барсова Гора II/8a) [Чемакин, 2008. С. 12–13]. В ранних слоях городища Стариков Мыс I В. М. Морозовым были обнаружены обломки плоских днищ, орнаментированные в отступающе-накольчатой технике, которую он соотнес с боборыкинской неолитической культурой. В материалах этого же памятника обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатым штампом, аналогичные керамике барсовогорского и сумпаньянского типов, выделяемых в неолите Зауралья и Среднего Приобья⁶.

Хронологические позиции данных культурных образований в историографии однозначно не определены. Керамика кошкинского типа бассейна р. Конда датируется ранним неолитом (V–VI тыс. до н. э.) [Ковалева, 2008. С. 133]. Отступающе-накольчатая керамика с памятников Барсовой Горы со сходными характеристиками, такими как волнистый край, наплывы с внутренней стороны, насечки по краю, вертикальные стенки, разреженность узоров присутствует и в неолитических (средний неолит), и в энеолитических комплексах [Чемакин, 2008. С. 21, 24, 25, 30, 34, 127]. Быстринская керамика датируется ранним неолитом, комплексы с гребенчатой керамикой и боборыкинская культура – поздним неолитом-энеолитом.

Эпоха энеолита-бронзы представлена в материалах более чем 20 памятников Согомского микрорайона, которые концентрируются в северо-восточной части оз. Домашний Сор и верхнем течении р. Согом. Уровень исследованности территории не позволяет выделить чистые стратифицированные комплексы этого периода. Керамика эпохи энеолита и бронзы в 36 % случаев была обнаружена на многослойных памят-

² Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541. Л. 182.

³ Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 40, 41–44.

⁴ Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541. Л. 182; Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 24, 28, 40, 42, рис. 53, 55, 97, 4.

⁵ Архив АУ ЦОКН. Инв. № 5085. Д. 8406. Рис. 149, 151, 170, 281, 299, 306.

⁶ Там же. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 24, 42.

никах с материалами других эпох. Чаше это комплексы эпохи железа и Средневековья (поселения Согомское 18, 19, 23, 24, Согом 14, 23, городища Стариков Мыс I и Согомское 8); реже – эпохи неолита (поселения Согомское 43, Согом 17, местонахождение Чебачий Бор 7)⁷ [Собольникова, Кузина, 2010. С. 258–259].

Аналогии с керамическими комплексами близлежащих и сопредельных районов позволяют выстроить хронологическую атрибуцию. К эпохе ранней бронзы относятся такие объекты, как поселения Согом 17, 23, Согомское 26, городище Стариков Мыс I, Согомское 10, стоянка Стариков Мыс II, местонахождение Чебачий Бор 6 и др. Культурно-хронологическую атрибуцию посуды с данных памятников сделать достаточно сложно в силу ее немногочисленности и разнородности. Тем не менее определенные параллели с культурными образованиями и типами, выделенными в северных районах Западной Сибири, провести можно. К примеру, фрагменты керамики с поселения Согом 17, орнаментированные полой гребенчатой трубкой, находят аналогии в памятниках волгончинского типа бассейна р. Конда конца III – начала II тыс. до н. э.⁸ В то же время фрагменты, орнаментированные гребенчатым штампом с широкими зубцами с данного памятника можно соотнести с керамикой кульганского типа Сургутского Приобья второй половины II тыс. до н. э. [Чемакин, 2008. С. 45–46; 2009. С. 204–205; Сергеев, Погодин, 2008]. В территориальном плане наиболее близкие аналогии согомские образцы находят с посудой поселения Чилимка XVII (низовья Конды), которая, в свою очередь, сопоставляется исследователями с позднеполымьятскими комплексами третьей четверти II тыс. до н. э. [Глушков, 1994. С. 28; Глушков, Собольникова, 2005. С. 45, 63–65].

Среди материалов, обнаруженных при шурфовке на поселении Согомское 26, была выделена группа так называемой «текстильной керамики», которая характерна для памятников одино-крохалевской традиции лесостепной зоны Западной Сибири [Глушков,

1994. С. 27]. В пределах таежной зоны Западной Сибири такая керамика встречается на единичных памятниках нижнего и среднего течения р. Конда (поселения Чилимка IV, X; Кама II, Волвонча I) и на городище Барсов Городок I/3 Сургутского Приобья [Глушков, 1994. С. 27–28; Чемакин, 2008. С. 38–39].

Освоенность территории в эпоху поздней бронзы маркируют материалы с таких памятников, как поселения Согомское 19, 23, Чебачий Бор 10, городища Стариков Мыс I и Согомское 10. Керамика данных комплексов соотносится с несколькими культурными традициями, сосуществовавшими в эпоху поздней бронзы в Нижнем Прииртышье: гребенчато-ямочной, лозьвинской и атлымской. В этом плане согомские памятники очень хорошо соотносятся с материалами близлежащего Чилимского микрорайона, расположенного в низовьях Конды, материалы которого легли в основу культурно-исторических интерпретаций процессов взаимодействия и взаимовлияния северных и южных культур эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья [Глушков, Захочая, 2000].

Памятников раннего железного века в границах Согомского микрорайона выявлено более 30, из них 18 городищ, 12 неукрепленных поселений и могильник. Концентрация памятников этого периода наблюдается на северо-восточном, восточном, западном и юго-западном берегах оз. Домашний Сор.

В типологическом плане большинство городищ представляют собой ровные площадки, окруженные по периметру оборонительной системой – вал-ров, которые характеризуются небольшими конструктивными параметрами и зачастую слабо выражены в рельефе. Площадки различаются по форме: подпрямоугольные, подовальные и подтрапециевидные. Размеры варьируют от незначительных – 14 × 18 м (городище Согомское 28), до более масштабных – 70 × 35 м (городище Согомское 17) и 62 × 53 м (городище Согомское 39). Отсутствие находок пока затрудняет культурно-хронологическую атрибуцию данных памятников. По внешнему облику они во многом аналогичны городищам Сургутского Приобья начального периода раннего железного века [Чемакин, 2008. С. 67].

Одно из таких городищ Согомское 13 было обследовано в полевом сезоне 2010 г.

⁷ Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541. Л. 86, 182; Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 40–42, рис. 95–103.

⁸ Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1203. Д. 69. Л. 112; Инв. № 4866. Д. 89. Л. 68.

Можно провести аналогии между керамическим комплексом городища и посудой белоярской культуры, которая интерпретируется исследователями как переходная от бронзового к раннему железному веку [Челякин, 2008. С. 72]

На фоне городищ данного типа, сходных во многом по своим внешним признакам, резко отличаются такие, как Согомское 4, 8 и 37. Городище Согомское 4 в рельефе представляет собой огромный (около 5 850 кв. м) комплекс, состоящий из 4-х соединенных между собой оборонительных площадок, хорошо защищенных рвом и валом. На всех площадках, кроме самой северной, фиксируются остатки древних построек, представленных впадинами и ровными участками разных размеров, которые расположены параллельными рядами. Городище Согомское 8 – площадка подовальной формы, окруженная по периметру широким валом и узким рвом. На внутренней площадке городища слабо фиксируются 17 впадин разной формы и размеров. Часть из них располагается по периметру площадки, другие образуют ряд вдоль ЮЗ линии оборонительных сооружений. Особенностью городища Согомское 37 является наличие мощной оборонительной системы, включающей три рва и два вала между ними. Аналогии рельефных признаков такого типа памятников можно найти среди кулайских городищ Сургутского Приобья. Фрагменты керамики кулайского облика также были выявлены при раскопках городища Стариков Мыс I⁹.

К Средневековью предварительно относятся более 20 памятников. Среди них 6 поселений и 19 городищ, расположенных на северном, восточном, юго-восточном и западном берегах оз. Домашний Сор. Материалов этого периода в процессе исследований Согомского археологического микрорайона было получено немного, что усложняет культурно-хронологическую атрибуцию памятников.

К начальному периоду Средневековья, а именно карымскому этапу Обь-Иртышской культурно-исторической общности (IV–начало VI в. н. э.), можно отнести поселения Согом 14 и 23. В шурфах этих памятников обнаружена керамика, украшенная зигзагами и «глазчатыми» ромбами [Зыков, 2006.

С. 113–114; Соболюкова, Кузина, 2010. С. 260–261]. Единичные фрагменты керамики карымского типа были обнаружены при раскопках городища Стариков Мыс I¹⁰. Керамика последующих периодов Средневековья выявлена В. М. Морозовым при обследовании поселений Согомское 1 и 3 (зеленогорский этап; VI–VII вв.), а также в ходе раскопок на городище Стариков Мыс I (кучиминский этап; VIII–IX вв.)¹¹.

Слои, датируемые поздним Средневековьем (кентусовский этап; конец IX – начало XIII в.; XVI–XVII вв.), выделены В. М. Морозовым при раскопках на городище Стариков Мыс I¹². Фрагменты керамики кентусовского типа обнаружены в шурфе на поселении Согом 14 [Соболюкова, Кузина, 2010. С. 262].

Одним из наиболее проблемных этапов работы оказалось установление границ территории объектов археологического наследия, поскольку в настоящее время отсутствуют четкие критерии в определении границы археологического памятника и, как следствие, его территории. Несмотря на то, что в качестве основных критериев для установления границ выбраны такие параметры памятников, как рельефные и геоморфологические особенности археологизированных сооружений и распространение культурного слоя, зачастую использование этих критериев было затруднительно по нескольким причинам.

Во-первых, природно-географические изменения, происходившие в голоцене на данной территории, существенно повлияли на процессы археологизации объектов человеческой деятельности и определили специфику памятников археологии в настоящем. Кроме этого, данные процессы нельзя считать законченными, поэтому многие рельефные особенности, фиксируемые еще в конце 80-х – начале 90-х гг., не прослеживаются на поверхности сегодня. К примеру, на одном городище в 1992 г. В. М. Морозовым было зафиксировано 17 впадин различных форм и размеров. На момент проведения мониторинга в 2010 г. здесь фиксировались только 4 объекта, хотя яв-

¹⁰ Там же. Л. 51–52.

¹¹ Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541. Л. 68–72; Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51 Л. 51–52.

¹² Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 48–49.

⁹ Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Л. 51.

ных природных или антропогенных воздействий на городище не установлено.

Во-вторых, многие памятники расположены очень близко друг к другу. В некоторых случаях расстояние между ними не превышает 1 м. Поэтому приходилось проводить границы по археологизированным сооружениям (рвам, валам), поскольку, будучи территориально одним объектом, в учетных документах они значатся как отдельные памятники.

На наш взгляд, для наиболее эффективного сохранения и использования объектов культурного наследия необходимо наряду с территориями проживания и ведения традиционного хозяйства коренных народов округа земли с высокой концентрацией археологических памятников выделить в особый вид объектов культурного наследия – достопримечательные места. В соответствии со ст. 3 закона № 73-ФЗ под достопримечательными местами понимаются «творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок; места совершения религиозных обрядов»¹³.

В связи с отсутствием нормативных, методических и инструктивных документов, определяющих порядок проведения мониторинга и требования к составу и оформлению итоговой документации, такие работы ранее зачастую выполнялись интуитивно, исходя из опыта археологических исследований. Тем не менее полученные результаты позволяют учесть ошибки и недочеты, извлечь положительный опыт, что поможет перевести памятники археологии на качественно новый уровень учета и охраны. Для совершенствования данного вида работ, как залога обеспечения в дальнейшем сохранности памятников археологии, на наш взгляд, необходимо следующее:

- разработка нормативно-правовой и методической базы, регламентирующей механизм проведения мониторинга состояния и установления границ памятников археологии;

- разработка документов инструктивного характера, определяющих терминологическую основу данного вида деятельности и основные критерии определения границ памятников с учетом региональной специфики, топографии, геоморфологии и микро-рельефа памятников археологии;

- более широкое использование в охране объектов археологического наследия такого юридического понятия, как «достопримечательное место»; это позволит оперативно решать вопросы охраны историко-культурных территорий, характеризующихся высокой концентрацией археологических памятников разных эпох, сохранения элементов традиционной культуры в неразрывной связи природного и культурного ландшафтов.

Список литературы

Глушков И. Г. Культурно-хронологическая колонка памятников неолита и бронзового века Чилимского микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 25–28.

Глушков И. Г., Захожая Т. М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут, 2000. 199 с.

Глушков И. Г., Соболенкова Т. Н. Керамические комплексы низовий Конды эпохи ранней бронзы: анализ и интерпретация декоративных и технологических стандартов // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 45–66.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Труды Института этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55. 622 с.

Зайцева Е. А. Результаты археологической разведки в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 249–257.

Зыков А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса.

¹³ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации № 73-ФЗ от 25.06.2002.

Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–125.

Кениг А. В. Территориально-административное деление и численность населения усть-иртышских хантов (в конце XVIII – XIX в.) // Угорский вестник. Ханты-Мансийск, 2011. № 2 (5). С. 123–133.

Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 123–135.

Сергеев А. С., Погодин А. А. Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 170–193.

Собольникова Т. Н. Позднеолитическое поселение Канда в бассейне р. Конды (к проблеме соотношения Кошкинско-боборыкинских древностей) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 551–559.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Керамические комплексы Нижнего Прииртышья (по материалам экспедиции в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры в 2009 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 257–264.

Чемакин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 222 с.

Чемакин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать

лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 198–214.

Список источников

Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1203. Д. 69. Рукопись С. Ф. Кокшарова «Отчет о раскопках поселения Геологическое III и археологической разведке в окрестностях пос. Комсомольского в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1986 года». Свердловск, 1987. 90 л.

Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 51. Рукопись В. М. Морозова «Отчет об исследовании городища Стариков мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области». Екатеринбург, 1998. 85 л.

Архив АУ ЦОКН. Инв. № 4866. Д. 89. Рукопись Е. М. Беспрозванного «Отчет об исследованиях поселения Еныя 12 в Советском районе Тюменской области, проведенных летом 1993 г.». Екатеринбург, 1994. 73 л.

Архив АУ ЦОКН. Инв. № 5085. Д. 840б. Рукопись Л. Н. Сладковой «Отчет об археологических раскопках на памятнике Чёртова гора в Кондинском районе ХМАО Тюменской области, произведенных летом 2004 года». Кн. 2. Тобольск, 2004. 78 л.

Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541. Рукопись В. М. Морозова «Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г.». Екатеринбург, 1993. 68 л.

Материал поступил в редколлегию 09.01.2013

E. A. Zaitseva, A. V. Kenig, T. N. Sobol'nikova

ARCHAEOLOGICAL MONITORING AS A FACTOR OF SAFETY OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE (BASED ON FIELDWORK MATERIALS 2010–2012 IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS AREA – YUGRA)

In the Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra registered is more than 5000 objects of cultural heritage (historical and cultural). 95 % of these objects are archaeological sites. Many sites have been identified in the 1970–1990 years. Due to geographical features of the area, most of the archaeological sites located in hard to reach places. Given the large-scale oil and gas development and the need for effective conservation of monuments in the district conducted the monitoring and setting boundaries of archaeological sites. In 2010–2012, the authors participated in the organization of the monitoring sites in the basin of the lower reaches of the Irtysh river. In the three years were surveyed more than 200 objects. Removed instrumental topographical plans, the restrictions across the facility with coordinating on the ground, held cultural and chronological attributes. For lack of regulatory acts defining order of the monitoring and requirements for summary reports salvage works were performed intuitively proceeding from personal experience of the specialists. However the obtained results allow us today, not only to take into account errors and omissions, to extract a positive experience, but, most importantly, to translate archaeological sites to a new level of accounting and security.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, heritage sites, archaeological sites, archaeological monitoring, places of interest.